

ЦИМГО

054
Афранд Дашдамиров

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕЯ
И ЭТНИЧНОСТЬ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

Дашдамиров Афранд Фиридун оглы

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЭТНИЧНОСТЬ
(Азербайджанская идея в этнокультурном интерьере)**

МОСКВА 1996

Подготовлено к изданию при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ)
в соответствии с планом исследовательского проекта
**“Национальные движения в СССР
и в постсоветском пространстве”.**
(N – 95-06-17775а)
Руководитель проекта - М.Н.Губогло

Издание осуществлено при финансовой поддержке
**Министерства науки и технической политики
Российской Федерации**

ВВЕДЕНИЕ

Есть истины, без осмысления которых жизнь - простая фаза существования. Благодаря им обретают устойчивость человеческие сообщества, функционируют архетипы культуры, социальные инварианты жизни. Кто мы, куда идем, в чем смысл жизни? Это - извечные вопросы, выводящие на самоценные, созидательные сферы осмысленного бытия. Именно через прояснение жизненных устремлений, осознание своих истоков и родословной, творческого потенциала и нравственных приоритетов достигается внутренняя свобода и отдельного человека и целой нации.

Конец XX века неожиданно дал азербайджанской культуре (как, впрочем, культурам других народов бывшего СССР) новые импульсы для поисков этнической, этноисторической аутентичности. В моменты глубочайших социально-политических трансформаций люди с особой силой испытывают характерную для новейшей истории потребность прояснить свои национальные привязанности, ощутить их как внутреннюю опору, что называется этнически "обрести себя" в контексте новых реалий. И в противовес тому трагическому прошлому, которое отмечено длительными периодами нарушенной преемственности, "этнического молчания", этнополитической неопределенности. Груз прошлого в виде специфических синдромов и комплексов крепко засел в национальном сознании, мешая свободному взгляду на настоящее и будущее нации.

Между тем, завоевания культуры, накопленный нацией духовный, интеллектуальный потенциал реализуется в общественной практике тем полнее, чем глубже, основательнее они осмыслены, оценены, закреплены в самосознании в виде обобщающих идей, взглядов, концепций. Потребность в духовном самопознании заключена в самой же культуре. в ее неустранимой роли в обеспечении жизнеспособности, цивилизованности общества, нации, отдельной личности, утверждении в жизни каждого нового поколения непреходящих гуманистических ценностей. И в то же время – такова диалектика нации - познание, осмысление исторических корней, своей самобытности и индивидуальности всегда будет приводить к осознанию себя неотъемлемой частью человечества, открытию новых граней своего исторического, духовного родства с народами мира.

Может быть поэтому на первый план выходят бытийные

вопросы, которые нельзя решать в отвлеченной форме, механически копируя чужой опыт. Они базируются на исторической индивидуальности нации, уникальности сочетания ее возможностей идти самостоятельным путем, находить собственное решение как специфических, так и общечеловеческих проблем. Однако, оставаясь зачастую без ответа эти вопросы копятя, теснят друг друга, порождая новые и новые недоумения. Не в том ли состоит истинная функция национальной идеи: кристаллизировать бытийную ориентированность общественных сил нации, выражать самоценную осмысленность ее изнедательности, предлагать адекватные ответы на вызовы нашего времени. Во всяком случае, национальная идея мне представляется той путеводной нитью, которая на переломном этапе связывает прошлое и будущее нации, выстраивает внешние и внутренние ориентиры ее самосознания, помогает разобраться в самих себе, объединить сознанием этнического сотворчества все слои и поколения этноса.

Идеи (имеются в виду общественные, политические идеи) есть форма постижения тех или иных сторон общественной жизни, своеобразная проекция дальнего познания социальной действительности. Идея не просто отражает вещи, свойства и отношения в их наличном бытии, а выражает заложенные в них тенденции развития, их необходимость и вероятность. Извлеченная из социально-исторического опыта, она выступает как постановка практической цели, дает ориентацию общественным движениям. Рождаясь как результат социальной рефлексии, сочетая критический и эвристический принципы, идея в своем продуктивном варианте служит важным звеном общественной активности человека, побуждая его на создание новых, ранее не существовавших социальных реальностей, духовных ценностей. Рассматриваемая в этом ряду, национальная идея выступает как наиболее идеологизированная сфера самосознания и целеполагания этноса, специфический феномен духовной, идейно-нравственной жизни нации, фактор этнизации общественно-политических ситуаций. То есть, национальная идея - это тот структурный компонент национального самосознания, который привносит в него основанную на определенном идеале целеустановку, опирающуюся, с одной стороны на потребности практики, а с другой - выражающую то или иное понимание вытекающих из нее задач.

В последние годы в общественном сознании Азербайджана

значительно возрос живительный интерес к историческим корням, к познанию своей духовной сущности, культурной самобытности. Однако в этом естественном стремлении нередко берут верх конъюнктурные мотивы, политические спекуляции и амбиции. Сказанное относится и к теме национальной идеи, которая активно используется противоборствующими политическими силами в качестве средства демонстрации своей этнической лояльности, сведения счетов с идейными противниками. В этой ситуации трудно абстрагироваться от того, какими завышенными и противоречивыми ожиданиями обременено отношение различных слоев общества к национальной тематике, в какой политизированной обстановке обсуждаются национальные проблемы. И именно поэтому особенно важно в движении национальной идеи не пропустить наступления такой фазы, когда условием ее жизнестойкости, проективной способности, интеллектуальной легитимности становится момент социологического самоанализа, философского осмысления, выступающего в качестве некоей альтернативы тем иллюзиям и мифам, которыми сознательно и бессознательно подменяется акт этнокультурного самопостижения.

Эта ситуация серьезно осложняется тем, что последние несколько лет в истории национального самосознания азербайджанцев оказались, может быть, самыми динамичными, самыми драматичными, наполненными и вдохновенными подъемами, и неожиданными поворотами, спадами, кризисными моментами. На эти годы выпали наивысшие пики этнической мобилизации людей вокруг идей независимости, суверенитета, защиты родины, ее территориальной целостности, периодически сменяющиеся острыми состояниями национального разочарования, шока. Получается так, что национальному самосознанию, загоняемому в тупики неуправляемых, спонтанных общественно-политических процессов и событий "переходной эпохи", вроде уже и не до философской рефлексии.

Однако интеллектуальные потребности, как бы сильно жизнь их не глушила, продолжают пульсировать, напоминая о том, что дефицит этнофилософской осмысленности лишь усугубляет кризисное состояние национального самосознания, явно не поспевающего идеологически переваривать происходящие измерения. Может быть, по этой причине острые дискуссии и споры по поводу этнонима азербайджанской нации, этнической, вернее национальной идентификации азербайджанского

языка, в которые вовлекаются не только научная общественность, но и чуть ли не вся интеллигенция, широкие слои населения, и даже высшие органы властных структур, выглядят как довольно странная картина ожесточенной конкуренции этнических и политических лояльностей, как запоздалая попытка реидентификации азербайджанского этноса, ревизии реальностей его современного самосознания.

Чем же это вызвано, что за этим стоит: использование проблем этничности как средства достижения интересов определенных политических сил, новоявленной элиты; или это новый (и хорошо забытый) вызов этничности, в основе которого обусловленные этнополитическими коллизиями потребности актуализации исторических, тюркских корней. И почему эти дебаты носят не столько научный, сколько подчеркнуто политический характер? Боюсь, что на эти и другие подобные вопросы готовых, логически непротиворечивых ответов нет. Мы еще не научились дискурсивному анализу речевых событий, диагностике конкретных состояний этнического, национального самосознания, своевременно фиксировать, анализировать выбросы этничности в качестве индикаторов национального самочувствия.

В этом контексте меня привлекает проблема национальной идеи в этнологическом, этнокультурном контекстах, в связи с историей философской, общественно-политической мысли. Как мне кажется, изучать национальную идею значит учиться ценить национальную солидарность и нести национальную ответственность. Теоретически изучение феномена национальной идеи должно способствовать: углублению наших представлений о механизмах реификации этничности; путях и тенденциях осмысления, формулирования того или иного отношения нации к себе и окружающим этносам; выявлению того, какие социально-групповые, клановые и т.п. интересы возобладали в данный момент в руководящем векторе нации, чьи именно политические идеалы и ценности доминируют в этническом и культурном поведении ее большинства и т.д. и т.п. А главное, говоря о национальной идее, хотелось бы думать о способности данного сообщества моделировать свои ближайшие и дальние перспективы, развивать институты этнической жизнеспособности.

Предлагая свое видение феномена национальной идеи в контексте азербайджанской истории и культуры, я вовсе не собираюсь

отвечать на эту бесконечную вереницу вопросов. Я берусь за более скромную задачу - выяснить общие контуры и некоторые, представляющиеся мне важными, тенденции национальной идеи. На большее, кажется, нельзя и рассчитывать в ограниченных рамках настоящей брошюры.

1. ЭТНОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ.

Национальная идея, как и в целом творящее ее коллективное самосознание, выступают в качестве важнейшего фактора самостроительства нации, намечающего предельные рубежи этнического, открытость или закрытость этнокультурных, этнопсихологических границ, за которыми простираются инонациональные бытийные сущности.

В этом смысле нация - это реальность осуществленной в социальной материи, в специфических человеческих связях и отношениях этнической духовности, сознания взаимной сопричастности, сопринадлежности. На почве этнического самоощущения, собственно, и возникает идея национального самобытия, национальной солидарности, благодаря которой нация как бы легитимизирует себя в качестве сложившейся общности, способной противостоять и взаимодействовать с другими этносами.

Не идея рождает нацию, но возникнув на каком-то этапе ее становления, именно идея помогает людям осознать свою этническую, национальную обособленность, "увидеть" неповторимость, уникальность своего этноса, "встроить" в той или иной конкретно-исторический, общественно-политический контекст определенное видение своеобразия собственного исторического, геополитического и т.д. положения.

Национальная идея в своей основе этнична, и чтобы были поняты ее конкретные формы, особенности, функции, она должна быть соотнесена со своим субъектом, исследована в этнокультурном контексте. К основным сюжетам, на почве которых, как правило, формируются, формулируются национальные идеи, можно отнести исторические и реальные события народно-освободительной борьбы, консолидации, сплочения во имя общих национальных интересов, движение за независимость, суверенитет, утверждение государственности, заботу о сохранении, развитии, совершенствовании национального языка, культуры, традиций, обычаев, обрядов, ритуалов, возрождение этнокультурного

наследия, исторической памяти и т.д. С этничностью национальной идеи связано отношение различных слоев, общественных движений и формирований к существующим национальным проблемам, внутреннему и внешнеполитическому положению, выраженное в виде разного рода программ, платформ национальных (или националистических) лозунгов, призывов, высвечивающий те или иные аспекты этнокультурной, этнополитической ситуации. Сюда же, вероятно, можно отнести и то или иное понимание самой нации как сложнейшего явления, вызывающего столь же противоречивое отношение к ней - от сакрального поклонения до нигилистического отношения к потенциам нации, от самодостаточного консерватизма до мифологизации этнических реалий. Обозначенные этими, как и множеством других подобных вопросов, проблемы, трансформируясь в субъективном мире этничности, оформляются в специфические смыслы, значения, метафоры, последующая кристаллизация которых реализуется в этноидеологической деятельности.

Национальная идея, если основываться на ее этничности, опирается (независимо от своего содержания и направленности) на целый набор групповых идентификаций в сферах политики, культуры, языка, исторического прошлого и т.п. Но не сводится к ним, так как актуализируясь в зависимости от конкретной ситуации в соответствующей сфере национального бытия, она вносит в этнокультурные, этнополитические процессы новые смыслы и новые значения.

Этническому слою, этническим компонентам культуры Азербайджана принадлежит исключительная роль в национальном самоопределении, духовном выживании азербайджанского народа, сохранении его исторической самобытности, культурной суверенности. Именно приверженность азербайджанцев своим историческим корням, своей традиционной культуре, ее вековым устоям во многом помогла сохранить и укрепить национальные связи, основополагающие черты национального характера, духовного склада вопреки всем зигзагам истории, спадам в процессе национального развития, безуспешным попыткам нарушить преемственность, подорвать исторические корни, обезличить нацию.

В свою очередь, складываясь веками, этническая культура Азербайджана всегда играла активную роль в воспитании личности, утверждении этнических идеалов и ценностей, поднимая

их на уровень духовных, нравственных символов. Жизненность традиций, унаследованных от старших поколений, - в содержащемся в них незаменимом социальном опыте, в котором нормы взаимоотношений между людьми выступают одновременно и в качестве нравственной границы дозволенного, и модели образа действия, и в виде указания как себя вести в горе и радости, в обществе и в личной жизни. Знание и соблюдение традиций, обрядов и обычаев и поныне выступает одним из решающих способов приобщения личности к той или иной социальной группе, в конечном счете - к нации.

Вместе с тем, этничность по своей природе подвижна, адаптивна, способна принимать различные формы и значения в зависимости от ситуации. Она может сочетаться с высшими духовными ценностями и традициями, но нередко проявляется в иных идейно-политических контекстах, базирующихся не только на общезначимые, но и групповые ценности. Огромную роль в проявлениях этничности играют и внутреннее многообразие данной культуры с ее пространственной и социальной дифференциацией, многообразием стилей жизни, и ее взаимодействие, контакты, столкновения с иными культурными мирами, с их специфическими системами ценностей, культурно-исторических идентификаций, миропониманием.

Этничность проникает в те сферы и структуры культуры, которые "работают" на консолидацию, сплочение национальной общности, ее самовыделение и обособление в ходе межнационального общения и взаимодействия. В азербайджанской культуре индикативная роль этничности прослеживается в различных компонентах материальной и духовной культуры, языке, обычаях, обрядах и традициях быта; в огромном пласте творимой народом художественной культуры - фольклорных формах литературы (дастаны, легенды, сказки, баяты, поговорки, пословицы), музыкальном фольклоре (мугамы, народные песни и танцы, ашугское творчество), в древнейших верованиях, культовых проявлениях, следы которых актуальны и сегодня, наконец, в идеологизированных своеобразных представлениях о мире, о себе и своей истории. Каждый из этих компонентов культуры играет свою роль в этническом сплочении и отличии.

Своеобразие азербайджанской идеи как феномена духовной, политической культуры неразрывно связано и во многом обусловлено природой азербайджанской этничности.

Единая географическая среда обитания во многом обусловила глубокое сходство важнейших черт своеобразия хозяйственно-культурной деятельности азербайджанцев с народами, населяющими Кавказ. Но в то же время этноисторический, языковой факторы объединяют азербайджанцев с тюркоязычными народами, различающимися между собой типами хозяйственно-культурной деятельности, но родственных по этнолингвистическим и иным культурным параметрам.

Ислам - одна из важнейших духовных предпосылок азербайджанской ментальности. В его традиционности, универсализме следует, видимо, искать истоки своеобразия существенных черт образа жизни и образа мысли многих поколений азербайджанцев, роднящих их со всем миром мусульманских народов. И в то же время, сходство условий и уровней социально-экономического, общественно-политического развития определило близость современной азербайджанской культуры с культурами народов христианской конфессии, особенно в части профессиональных традиций науки, культуры, искусства.

Таким образом, мощный тюркский пласт в азербайджанской культуре сочетается с компонентами, сформировавшимися в тесном взаимодействии с культурами кавказских народов, иранской культурой, органической включенностью обрядовой стороны ислама в традиционную культуру Азербайджана. Наконец, есть высокоразвитые профессиональные формы культуры, которые во взаимодействии с городской субкультурой на протяжении XX века породили новые элементы азербайджанской традиционной культуры, сближающие ее с русской культурой. Эти элементы во многом порождение евразийского синтеза духовных, художественно-эстетических традиций народов бывшего СССР. Этнологи отмечают, что общее содержание прошлого советского пространства и сегодня демонстрирует актуальность в общих культурных символах и ценностях, в глубоких человеческих и профессиональных связях на индивидуальном и коллективном уровнях, даже в поведенческих нормах и в восприятиях внешнего мира (1).

Взятые вместе, все это - грани неповторимого своеобразия азербайджанской культуры, сформировавшейся на перекрестке великих цивилизаций Востока и Запада, мировых религий и идеологий, оплодотворенной многогранными связями и с многомиллионными нациями, и с малочисленными народами, этническими группами. Отсюда этническая

многослойность современной азербайджанской культуры, восходящей к древнейшим формам материальной и духовной жизни. Наряду со сравнительно недавно сложившимися традициями, она включает так же компоненты материальной, традиционно-бытовой культуры, существовавшие еще на стадии формирования азербайджанского этноса.

В свою очередь эти особенности неизбежно придают противоречивый, плюралистический характер движению национальной мысли, тенденциям национального самосознания. Исламским и тюркским пластами азербайджанской культуры подпитываются соответствующие ценностные ориентации национального самосознания, обнаруживающие изначальное этнокультурное тяготение азербайджанцев к наднациональным исламским и тюркским лояльностям. Но интересы самосознания не сводятся к ним, они сочетаются с регионально-кавказской, прорусской, русско-европейской, проиранской ценностными ориентациями, коренящимися в соответствующих пластах нашей культуры. Сочетаются в той мере, в какой сквозь их пересечение выявляется этническая, этнокультурная особость собственно азербайджанского самоосознания.

Схематизм излагаемого подхода не должен заслонять диалектическое богатство и сложность исторических трансформаций этнокультурной мозаики в новое национальное качество. Нация подобна личности: каждая представляет собой то, что она есть до тех пор, пока сохраняет свою неповторимую индивидуальность, верность исконным началам. И в то же время каждая принадлежит многообразной конкретной исторической, геополитической среде, постоянно взаимодействует с ней, являя собой в значительной мере результат такого взаимодействия. Одновременная принадлежность азербайджанской культуры относительно обособленным стихиям - непосредственно национальному, этноисторическому, региональному и общеисторическому, мировому началам - источник противоречий, внутренних исканий, бесконечного сочетания многообразных традиций, их взаимного притяжения и отталкивания. Эти линии неразрывно взаимосвязаны, нераздельны, но до конца не сводимы, не сочетаемы. Однако, зачастую на их пересечении достигаются духовные вершины, создаются художественные и культурные ценности не только национальной, но и общечеловеческой значимости. Исторический опыт азербайджанской культуры в этом отношении убеждает: из взаимодействия обоих

начал, из их синтеза, в исторические моменты равновесного сочетания экстраверсии и интроверсии возникали многие выдающиеся ценности культуры, художественного творчества.

Эта непреодолимая противоречивость в той или иной форме проявляясь в национальном самосознании, дает основание говорить о драме азербайджанской национальной идеи, находящейся в вечном колебании между обращенностью к легендарному, романтизированному этническому прошлому и реалистическим взглядом на прошлое и настоящее, между инстинктом выживания путем самоизоляции и страхом национального одиночества, толкающего к интеграции в метаэтнических, метаполитических, метаконфессиональных сообществах. Однако наиболее плодотворным представляется такое движение национальной мысли и культуры, при котором этнические истоки, вливаясь в общечеловеческий поток в поиске нового русла жизни – жизни без внутренних распрей, без насилия и нетерпимости к иному мнению и убеждениям, - сохраняют свою качественную определенность и неповторимость, кристаллизованных в азербайджанской этничности.

Надо ли доказывать, что этноисторическое, этнокультурное родство разных народов, их языковая близость не исчерпывают всего богатства и сложности социальных и этнических связей и отношений, определяющих самобытность, суверенность любой нации, независимо от ее исторического происхождения, "возраста", численности и уровня развития. В основе особенности нации, ее культуры - обособленность ее существования, достигаемая и поддерживаемая диалектикой внутреннего и внешнего общения (Маркс). Чем интенсивнее межнациональное общение, тем более развито, обострено самосознание этноса. С этой точки зрения, национальная идея возникает и реализуется как специфическая способность данного этноса внешние условия своей жизнедеятельности трансформировать во внутренний мир нации.

Мера интенсивности взаимного притяжения и отталкивания, взаимообусловленности и взаимоисключительности тенденций этносоциального, этнокультурного обособления в ходе межнационального, межнационального общения и взаимодействия как раз и определяет ту или иную степень осознания коренных экономических, политических, культурных интересов, с защитой и реализацией которых связано существование данного этноса в качестве субъекта социально-исторической деятельности.

В зависимости от ситуации и в соответствии с внутривнутриполитической расстановкой общественных сил и движений, ориентированных на те или иные внутренние и внешние тенденции национального развития, национальное самосознание становится ареной конкурса идейно-политических интерпретаций этнического статуса нации, ее прошлого и настоящего, ареной борьбы за ту или иную ориентацию национальной мысли, обращенности самосознания к прошлому или будущему, преобладание тенденции к экстраверсии либо интроверсии. Но во всех случаях "игра" субъектов, участников этнополитических, этнокультурных проектов не свободна от этноцентризма, являющегося некоей постоянной величиной в изменяющихся состояниях национального самосознания. Величиной, привязывающей политиков и идеологов самых разных ориентаций к некоей общей оси этничности с ее определенными установками, формулами и знаками.

"Свободная игра общественных сил" - абстракция, достаточно отвлеченная от реальной исторической практики. В течение более чем 70-летнего советского периода национальной истории, в соответствии с установившейся советской концепцией национального вопроса и национальной политики, унифицировались особенности культуры и образа жизни, жесткой цензуре подвергалась историческая память. В результате глубоких деформаций, вытеснивших тюркские, исламские компоненты на периферию национального сознания, сократился этнический потенциал культуры. В жесточайших условиях политических репрессий, изоляции от остального исламского мира, от тюркских связей и ценностей азербайджанская традиционная культура, тем не менее, проявила удивительную способность в основном сохранить свой исторический потенциал и адаптироваться к сложным политическим, социально-экономическим условиям советского общества. Подвергавшиеся в том или ином виде запрету, исламские и тюркские компоненты культуры в качестве защитной реакции приобретали значение ключевых символов, на них азербайджанцы проецировали свои национальные чувства, придавая им индикативный смысл.

Но главным событием истории национального самосознания в советский период стало признание азербайджанской лояльности доминирующей, приоритетной. В

основе этого события - новая азербайджанская культура, сформированная в новых исторических условиях, с новыми национальными идеологемами, символами, мифами. Она неразрывно связана с именами ее творцов - У.Гаджибекова, Ф.Амирова, К.Караяева, Дж.Джабарлы, Г.Джавида, С.Вургуня, М.Ибрагимова, Р.Рза, М.Рагима, Ю.Мамедалиева, Г.Гусейнова, Бюль-бюля, десятков других выдающихся деятелей искусства, литературы, науки, создавших на почве богатейшего народного мелоса и фольклора, истории культуры, нравственных и эстетических традиций - культуру советского периода. Разумеется, не свободную от всего того, что определялось идеологической и политической конъюнктурой конкретных исторических этапов этого периода, но в основе своей глубоко национальную, ставшую и формой и стержнем духовного бытия азербайджанского народа в советскую эпоху, основой его этнокультурного самоопределения.

В последние годы в азербайджанской прессе немало написано о том, что самосознание азербайджанцев пробудилось, возродилось после 70-летнего перерыва лишь под влиянием карабахских событий, перестройки, распада СССР.

Но если согласиться с такой точкой зрения, то следует признать, что с 1920 по 1988 годы не было ни азербайджанской интеллигенции, ни азербайджанской культуры, не созданы ни художественные, ни историко-научные представления об Азербайджане, его прошлом и настоящим, неосмыслен пройденный им исторический путь, исторические корни... Пренебрежение диалектикой подвергает осмыслению прошлого бесплодной дилемме "или - или": идеи и ценности одного исторического периода восстанавливаются путем абсолютного отрицания последующей национальной истории. При этом отрицается и та социально-культурная почва, сформировавшаяся за годы советской власти, без которой идеи языка, государственности, суверенитета, целостности и неделимости территории, единства нации не получили бы массовой поддержки в обществе и не стали бы национальными, как это и произошло в том же 1988 году. Попутно игнорируя то, что вызванное событиями 1988 года массовое народное движение, само стало возможным благодаря наличию развитого национального чувства и самосознания, благодаря глубоко усвоенным азербайджанским народом представлениям о незыблемых национальных правах, о национальном достоинстве и стремлению всеми средствами отстаивать его.

При всех негативных сторонах и последствиях командно-административной системы, подавлявшей проявления национальной свободы, подвергавшей нивелировке национальные особенности и традиции, в советский период решались крупные исторические задачи этнополитического, этносоциального развития Азербайджана, неразрывно связанные с вошедшими в отечественную историю категориями "индустриализации" и "культурной революции":

- ◆ укрепилось этническое ядро азербайджанской нации, преодолена местная, субэтническая разобщенность;
- ◆ сформировались квалифицированные кадры рабочего класса, слой интеллигенции превратился в крупную, многочисленную социальную группу, занявшую ключевое место в социальной структуре;
- ◆ утвердился единый азербайджанский литературный язык с его неповторимой этнолингвистической индивидуальностью;
- ◆ накопились определенные традиции национальной государственности, политической культуры;
- ◆ достигнуты массовая грамотность населения, всеобщее среднее образование, обеспечено накопление и распространение на азербайджанской языке этнокультурной информации, этноисторических знаний;
- ◆ создана широкая сеть средств массовой информации и коммуникации, позволивших вносить соответствующую этническую информацию, национальные идеологемы в самую гущу населения, закреплять и развивать традиционное сопоставление "мы - они", формирующее и поддерживающее этническое, национальное самосознание.

На этой основе и в ходе этих процессов выросла новая профессиональная культура Азербайджана, сформировались представления о единой азербайджанской нации, в общественное сознание прочно вошел освобожденный от религиозной оболочки этноним народа, идеи азербайджанской государственности, языка, сознание неповторимости собственной национальной истории и культуры. Это был процесс, происходивший с существенными издержками и потерями, к числу которых следует отнести белые пятна исторической памяти, жесткую регламентацию культурной деятельности, насаждение русскоязычного официоза в форме социалистической идеологии,

негативно повлиявшей на ход научного осмысления национальной истории, временная утрата ценных элементов идейного наследия прошлого и многое другое. Неудивительно, что национальные идеи выдвигались у нас в ситуациях, когда национальные чувства и эмоции, как менее контролируемая сфера общественного сознания, зачастую опережали национальное осознание, идейно-теоретическое осмысление национального бытия. В последующем, в кризисные моменты этнополитического развития это существенно скажется на противоречивом процессе резкой, скачкообразной политизации национального сознания, в частности в том, что нередко в критических ситуациях эмоции захлестывали этническое поведение людей, тогда как рациональное, взвешенное понимание ситуации появлялось лишь позднее.

Так или иначе, основные социально-политические, экономические, социально-культурные задачи национальной консолидации, которые решаются каждым народом на стадии становления национальных государств (если брать европейские образцы) были осуществлены в основном в течение нынешнего столетия. Теперь это уже пройденные этапы национальной истории, включающей и период первой Азербайджанской демократической республики (1918-1920 г.г.), и период второй Азербайджанской Советской социалистической республики (1920-1991 г.г.). Ясно, что наследие прошлого - и политическое и идеологическое, и культурное необходимо основательно осмыслить, критически переоценить, отделить зерна и плевел; с тем, чтобы, по-возможности, доработать недоделанное, развить, а не потерять начатое, восстановить утраченное, отбросить изжитое, исчерпавшее себя, внести в общественно-политическую, духовную практику новое, недостающее, отвечающее объективным национальным потребностям. Но не разрушать, чтобы затем в духе раннего большевизма "возродить" на пустом месте. История не раз доказывала бесплодность такого подхода: он сеет в обществе национальную разобщенность, внутреннее противостояние, вызывает новые зияющие провалы социальной памяти.

Под этим же углом зрения должна быть воссоздана и история национального самосознания, особенно активно развивавшегося в послевоенный период. В этом контексте особенно примечательными представляются вехи роста самосознания, связанные с усилением этномобилизующей роли языка, традиций и

обычаев, событий, с которыми отождествлялся престиж нации, республики. К примеру вторая половина 50-х годов вошла в историю Азербайджана как время роста национально-патриотических настроений, активного интереса к национальной истории, переосмысления, восстановления ее трагических страниц, связанных с репрессиями 30-х годов. Это время явственно выраженной азербайджанской идеи - прежде всего идеи национального языка, его закрепления в Конституции республики в качестве государственного, идеи приоритета национально-культурных ценностей. У всех в памяти подъем национальных чувств, сопровождавший движение за возрождение Новруз-Байрама в 60-е годы. В 70-е годы национальная идея подпитывалась заботой о культивировавшейся в те годы идеей "морального очищения", хозяйственного преуспевания республики, о повышении ее престижа - политического, культурного.

Эти и подобные идеи, связанные, с деятельностью мастеров культуры, событиями духовной, спортивной и т.д. жизни приобретали статус официально признаваемых национальных идеологем и распространялись через каналы советской государственной и партийной пропаганды. Они получали ту или иную реализацию реализацию в реальных тенденциях общественной, культурной жизни, творческой деятельности, отражаясь и на уровне бытового поведения. Однако, официально признаваемым национальным идеологемам сопутствовали (а иногда и противостояли) неформальные, оппозиционные, стихийно формировавшиеся и распространявшиеся формы этнических предпочтений и ориентаций, в том числе - исламская, тюркская, локально-этническая.

В процессах национального самочувствия и самоосознания в условиях политической стабильности, прослеживаются две тенденции, идущие параллельно, иногда обгоняющие друг друга, но всегда взаимопроникающие. Это - тенденция интенсивного развития вглубь, т.е. качественного развития идеологических, идейно-теоретических форм самопознания, содержательного и структурного многообразия проявлений самосознания; и тенденция экстенсивного развития вширь, связанная с проникновением, распространением национальных идей и представлений во все слои и субэтнические структуры нации.

Развитие национального самосознания вглубь связано с повышением уровня понимания национальных интересов, осознанием

взаимообусловленности национальных идеалов с социальными, отвечающими потребностям развития нации. Качественный рост национального самосознания - это, одновременно, и преодоление устаревших взглядов и целей, иллюзий и мифов, переоценка прежних устремлений, и обретение новых представлений, идей, выдвижение новых целей, задач. С усилением идеологических начал самосознания стали проявляться возрастающий интерес к опыту истории, стремлению "дойти до самых корней"; с этим же связано и усиление известной рефлексии общественного сознания, исканий нравственного и политического идеала нации в публицистике, художественной литературе, искусстве, гуманитарных исследованиях формирование благодаря накоплению историко-этнографических знаний более широких представлений об этнической картине мира, своего места в нем.

Развитие национального самосознания вширь происходит путем распространения среди населения создававшихся творческой интеллигенцией идеологием, вырабатывавшихся под определенным углом зрения учеными, творческими деятелями идей и взглядов, исторических знаний, представлений и оценок своей нации, а также других народов. Наиболее полное развертывание этой тенденции связано с развитием средств массовой информации, сыгравших огромную роль в формировании, закреплении, тиражировании азербайджанской этничности. Роль массовой коммуникации в интенсификации воздействий на национальное самосознание манипуляциях этническим поведением людей продолжает возрастать, выдвинув на авансцену общественной жизни так называемую "символьную элиту" - журналистов, ученых, публицистов, литераторов, режиссеров и т.д. Их мнения, тиражируясь, обрушиваются противоречивым потоком на массовое национальное сознание, корректируя, изменяя, травмируя, настраивая его на тот или иной лад.

Мощным фактором распространения национальной идеологии в последнее десятилетие стало вовлечение широких кругов общества в национальное, национально-освободительное движение, в различные формы политической активности. Темпы развития и общие результаты этой активности были во многом обусловлены особенностями этнического поведения крестьян, рабочих, студенчества.

Большой научный, да и не только научный - общественно-политический интерес должен представлять социологический анализ причин наибольшего распространения и влияния этих или других идей, анализ того, как одни идеи выдаются за выражение общественного мнения, а другие действительно становятся таковыми. Отсутствие подобного анализа наносит ощутимый ущерб и социальному познанию, и общественно-политической практике, позволяя недобросовестным деятелям действительно манипулировать национальным сознанием, этническим поведением людей.

Рост национального самосознания как в интенсивном, так и экстенсивном аспектах - процесс противоречивый, непоследовательный, отражающий подъемы и спады национального, общественно-политического движения. При этом, факторами этого роста являются не только продуктивная активность творцов национальных идей и взглядов, а и то, какое распространение они получили в обществе, насколько они стали достоянием массового сознания.

Нашими обществоведами, особенно историками общественно-политической мысли, проявляется явная недооценка многообразия форм выражения этнического самосознания. Более того, укоренилась склонность оценивать состояние национального самосознания народа в ту или иную историческую эпоху не по этнополитическим представлениям социального большинства нации, а по идеям и взглядам или даже просто по деятельности отдельных выдающихся личностей - мыслителей, поэтов, писателей, ученых, политиков, вне их связи с реальным состоянием общественного сознания.

Претензия на монопольное выражение самосознания нации, ее главной идеи со стороны тех или иных идеологов, политиков, граничит по существу с узурпацией духовной власти над народом. Надо ли доказывать, что отождествление идей и взглядов пусть даже самой крупной личности с установками и ориентацией массового сознания и ошибочно и вредно. Оно не только искажает истинную картину эпохи, порождая мифы и иллюзии роста или некой ориентации национального самосознания, но создает прецеденты лицемерных оценок состояния общественного сознания в наше время.

Активность общественных групп, политических организаций и движений всегда связана с тем или иным пониманием общенациональных интересов и задач, своей роли в их реализации.

Национальная идея как раз и является тем мощным оружием "массового поражения", массового воздействия, которым стремятся овладеть, подчинить себе, использовать в собственных целях политические лидеры. В силу этого национальная идея никогда не существовала в чистом виде, как исчерпывающее выражение этничности, национальных помыслов и целей в их абсолютной данности. Социальные движения и конфликты, внутривнутриполитические распри и соперничество, борьба партий и политических деятелей за власть, за влияние в обществе, с одной стороны, и борьба против иноземных притязаний - с другой, переплетаясь между собой накладываются на этничность национальных идеологов, сказываясь на их содержании, выдвигаемых и интерпретируемых целях.

Стало быть, постановка проблемы национальной идеи предполагает учет ее связи с социальной и этнической структурой общества, его политической практикой. Думается, что применение социально-классового подхода к оценке состояния национального самосознания, его развития вглубь и вширь не утратило своего методологического значения, поскольку он с большей точностью позволяет обнаружить естественное несовпадение социально-политических интересов различных групп людей, сквозь призму которых преломляются общие национальные ценности, интересы, представления.

Политизация национального самосознания, как правило, связана с обострением общественно-политических, межнациональных противоречий, стимулирующих рост политической активности, подъем национальных движений. Рождаемые в этих условиях идеи, призванные служить обществу, в той или иной форме осуществляются в качестве целеустановки к самоизменению, выживанию, адаптации к изменившимся и продолжающимся меняться условиям жизни. Другое дело, насколько идеи, которые предлагаются (а порой и навязываются) обществу, адекватны действительным национальным потребностям.

В реальных условиях общественной жизни политический аспект национальной идеи указывает на определенную совокупность идеологов и сопровождающих их практических действиях, подчиненных тем или иным партийным интересам, интересам борьбы за политическое влияние в обществе.

Карабахские события, ирредентистский вызов Армении резко обострили национальное самосознание, вызвав сильную политизацию всего населения Азербайджана, охваченном идеей

защиты территориальной целостности, национального суверенитета республики. На волне народного возмущения, протеста против угрозы отторжения Нагорного Карабаха Народный фронт Азербайджана овладел идеологической инициативой, активно используя этномобилизующие идеологемы и символы, отмеченные антисепаратистской, антиармянской, а позднее - антисоветской направленностью.

Этничность соединяет интересы с эмоциональной привязанностью, что и придает силу воздействия национальной идее. Накладываясь на людские страсти, оно вызывает сдвиги в социальных и этнических пластах общества, прямо или косвенно провоцируя внутрисполитические конфликты и столкновения. Есть какая-то циничная закономерность в том, что карабахский конфликт с невероятной энергией стал эксплуатироваться политиками в эгоистических целях. В результате, при "помощи" карабахских событий за какие-нибудь неполных два года в республике трижды сменялся политический режим. Нам не ведома закулисная сторона политических событий, путчей и переворотов, но их очевидная связь с поражениями на карабахском фронте не оставляет сомнений в том, что логика борьбы за политическое господство любой ценой делает возможным национальное предательство как средство низвержения политического противника.

На уровне массового сознания политизированное мышление предельно упрощает сложнейшие общественно-политические, духовные процессы, сводя все к черно-белым картинкам, к примитивной схеме: действие - результат, что позволяет в сложной обстановке манипулировать поведением людей. Новые общественно-политические условия, связанные с распадом СССР и крушением социализма, дали возможность открытого обсуждения идей национальной независимости, государственного суверенитета. Эти идеи быстро распространились в обществе, став на какой-то период ведущим элементом национального самосознания.

Но для конкретных условий азербайджанской действительности ключевое значение приобрела незащищенность населения от популизма, политической экзальтации, проявленной частью интеллигенции, вовлеченной в массовое политическое действие.

Как показала жизнь, национальные идеи далеко не всегда играют консолидирующую роль, обнаруживая в своем содержании

расхождения между политическим и этническим аспектами, массовым и личностным уровнем поведения. В обществе, политизированном сверх меры и не обладающем развитой системой надежно защищенных демократических институтов, национальная идея нередко становится одним из средств борьбы за политическую власть. Становясь в руках тех или иных политических сил инструментом манипулирования общественным поведением утверждения власти своих клановых интересов, она же превращается в причину, эту власть разрушающую, раскалывая нацию на своих и чужих, красных и белых, демократов и партократов, уроженцев разных регионов, этносов, конфессий (2). Для нашей жизни характерна парадоксальная связь между веками культивируемым авторитетом власти и пассивной созерцательностью, даже равнодушием к проблемам государственного устройства, общественно-политического строя. Это обстоятельство как-то отражается на национальной идее сильной своей этничностью и противоречивой, непоследовательной в политических аспектах.

Такова политическая парадигма национальной идеи: эксплуатация ее привлекательности в борьбе за власть выявляет ее потенциальную конфликтность - будь то идея суверенитета, территориальной целостности, этнонима, этногенеза или этнолингвистической чистоты национального языка. В конечном счете решающая роль здесь принадлежит тем или иным образом понятым, оцененным и осмысленным интересам и потребностям нации в различных сферах жизни или в их совокупности. Они-то, надо полагать, и служат моментом, придающим национальной идее политический характер. Кажется национальная идея способна со всей полнотой выразить и долговременные, стратегические и текущие, повседневные, тактические интересы нации. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается искажение перспективы, обманутые ожидания целого поколения людей, введенных в заблуждение - теми же лозунгами независимости, суверенитета, территориальной целостности тюркизма.

С самого начала обострения этнополитической ситуации в республике было ясно, что нельзя бесконечно эксплуатировать конфликтогенные компоненты массового сознания. Требовались конструктивные идеологемы, в связи с чем, усилиями гуманитарной части интеллигенции стала возрождаться дореволюционная культура в качестве реанимируемой ценности национального

самосознания; важным источником этномобилизующих духовных ценностей явились вновь издаваемые произведения идеологов, деятелей национально-освободительного движения начала XX века. Идеологические акценты стали смещаться в сторону тюркофильских, исламских идей.

Тюркские, тюркофильские мотивы были всегда близки национальному самосознанию, национальным чувствам азербайджанцев, которые проецировали их на Турцию, ее народ, культуру, язык. Поэтому идеи тюркской солидарности, дружбы, братства с турецким народом падали на благоприятную почву, играя этномобилизующую роль в противостоянии армянскому вызову в борьбе за укрепление государственности, независимости и т.д. Однако со временем стал осознаваться наднациональный характер тюркофильства, проявившийся, скажем в идее "одной нации (тюркской) в двух государствах", не получивший, впрочем, широкой поддержки в азербайджанском обществе. Тюркофильские мотивы проявились и в несколько скорректированной тенденции поглощения "одного имени другим", реализованной в настойчивом стремлении идеологов НФА "отменить" наименование "азербайджанцы", заменив его на "тюрки".

Игры с этнонимами, несмотря на кажущуюся простоту, дело достаточно сложное, а главное не безобидное, ибо за ними проглядывает тенденция - скорее политическая, нежели этноисторическая или этнокультурная.

Квалифицированное обсуждение этой проблемы затрудняется тем, что она практически не изучена - ни в историко-этнографическом, ни в этносоциологическом аспектах. Поэтому мне хотелось бы ограничиться несколькими замечаниями по поводу факторов, игнорирование которых постоянно угрожает фальсификацией особенностей реальных процессов этногенеза азербайджанского народа. Прежде всего отметим отсутствие на ранних этапах нашей истории четко выраженного общенародного этнонима, как и известную расплывчатость, неустойчивость представлений о собственных этнических признаках и особенностях.

У большинства народов этноним выступает, как правило, внешней формой, оболочкой этнического самосознания. Своеобразие нашей этнической истории в данном случае в том, что единый общепринятый этноним появляется и распространяется на весь демографический массив (параллельно возрастая

информационных связей между различными частями населения) на более поздней, завершающей стадии национальной консолидации азербайджанцев. Причины этого коренятся во многих особенностях общественно-политической и этнокультурной истории Азербайджана, в том числе запоздалым (по отношению к социально-историческим процессам консолидации азербайджанского этноса) появлением этноинтегрирующей идеологией, способных ориентировать самосознание на внешнеэтническое самовыделение, этнополитическое обособление. Кроме того, идеология и психология ислама, длительное время доминировавшая в общественном сознании, тормозила этническое самовыделение азербайджанцев, подменяя этноним конфессиональной лояльностью, ставя тем самым азербайджанский этнос в ситуацию, сходную с той, через которую прошло абсолютное большинство мусульманских народов с относительно поздним обретением этнонимов. Из взаимодействия религиозных и этнических компонентов сознания родилась и довольно долго существовала своеобразная этнорелигиозная форма самосознания азербайджанцев.

Отсутствие четко выраженного этнонима возмещалось, по всей вероятности, осознанием общности языка, культурных традиций, исторического происхождения, наделяемым индикативным значением. Не случайно для многих идеологов и политиков прошлого азербайджанский язык выступал главным этноопределяющим фактором.

Можно предположить, что именно приоритетная, всепоглащающая роль конфессиональной лояльности является причиной, из-за которой в массовом национальном сознании не только долго не выделялось то или иное самоназвание, но и этноним "тюрки", возникший на более поздней стадии этносоциального развития не закрепился достаточно прочно. Во всяком случае, смена этнонима "тюрки" на этноним "азербайджанцы", произведенная административным путем "сверху вниз" во второй половине 30-х годов не вызвала, насколько нам известно, особого сопротивления. Более того, имя "тюрки" если и не было полностью предано забвению, то уж во всяком случае ушло в дальнюю периферийную ячейку исторической памяти, что свидетельствует помимо всего прочего и об индифферентном отношении к этому имени со стороны национального самосознания. Прочное закрепление в массовом национальном сознании этнонима "азербайджанцы" находится, надо полагать, в

прямой связи с процессами секуляризации и, в какой-то мере - атеизации этнической культуры, образа жизни коренного населения Азербайджана. Разумеется, это только один, но весьма существенный, на наш взгляд, аспект. В более широкой теоретической перспективе - превращение самоназвания "азербайджанцы" в ведущий, в чем-то даже обобщающий элемент национального самосознания мы связываем не только с политико-идеологическими факторами командно-административной системы, но и с совпавшими по времени процессами культурной революции, индустриализации. В конце концов, важно не то, каким образом и с какой целью распространялся и утверждался тот или иной этноним, а важно воспринял ли в основной своей массе, усвоил или отторгнул этот этноним сам народ. С этой точки зрения, этноним "азербайджанцы", независимо от политических намерений его "авторов", прочно вошел в сознание, психику всей демографической массы азербайджанского этноса. И любые попытки изменить эту реальную этническую ситуацию являются ничем иным как насилием над людьми, их ментальностью, нравственным чувством.

Вместе с тем, остается открытым вопрос о подоплеке жарких дискуссий по поводу сохранения или изменения этнонима азербайджанцев. Ясно одно - попытки ревизии реальностей национального самосознания, и в первую очередь - этнонима, встречено в обществе более чем сдержанно. Но в то же время налицо расхождение этнических позиций, раскол общественного мнения, правда на две неравные величины.

Значит ли это, что некоторая часть азербайджанцев (в основном, видимо, из числа интеллигенции) оказалась в ситуации этнонимической двойственности этнокультурного самосознания; не порождена ли эта ситуация известной умозрительностью, так сказать конструктивистским подходом, в котором определенная этнополитическая заданность пренебрегает этнокультурными реалиями азербайджанской действительности. Если это так, то может быть потому и не удалось тюркской идее монополизировать азербайджанское самосознание, полностью поглотить многослойную азербайджанскую этничность, что этническая культура Азербайджана оказалась на данном этапе достаточно автономной консервативной в своей обособленности. По этой же причине, видимо, не состоялись и

идеологические манипуляции с этнонимом, языком и т.п. Впрочем, процессы этнополитических, этнокультурных взаимодействий, содержащих различные возможности этноидеологических трансформаций, инновационных трансплантаций, продолжают, находясь в известной зависимости от внутри и внешнеполитической конъюнктуры.

Менее драматично, но с еще большей неоднозначностью происходит энергичное продвижение исламской идеологии в культурное пространство Азербайджана. Восстановление приоритетного статуса исламской лояльности воспринимаются национальным сознанием как своего рода реванш ислама в стране, длительное время жившей в условиях, когда социалистическая идеология регламентировала и ограничивала процессы духовной жизни, а все что было связано с религией объявлялось пережитком прошлого. В том числе, и народные традиции, содержавшие элементы исламских ценностей, не говоря уже о сугубо религиозных традициях, которые в тех исторических обстоятельствах нередко отождествлялись с национальными.

Нынешнюю этнокультурную ситуацию характеризует тенденция исламизации национального, насыщение национальных традиций исламскими ценностями. Открываются многочисленные мечети, духовные школы, распространяется религиозная литература (в том числе из-за рубежа). Эта тенденция находится в развитии, но пока это только тенденция. Она наталкивается как на уже сложившиеся реалии этнической культуры Азербайджана, так и на вытекающую из них иную тенденцию. В первом случае имеется в виду сформировавшийся в период секуляризации культуры этнорелигиозный симбиоз некоторых компонентов традиций и обрядов. В этом этнокультурном контексте, в отличие от исторического прошлого, не конфессиональная принадлежность поглощает этническую, а азербайджанская этничность использует ислам в качестве одного из своих индикаторов. Во втором случае речь идет о тенденции этнизации ислама, преимущественно в бытовом аспекте; симптоматичным в этой связи представляется перевод текста корана на азербайджанский язык.

Исламская лояльность - грань азербайджанской национальной идеи. Но может ли ислам стать азербайджанской идеей? До сих пор в Азербайджане не было серьезных предпосылок для распространения исламского фундаментализма, несмотря на

многочисленные инсинуации по этому поводу в зарубежной прессе. Нынешняя идеологическая, этнокультурная ситуация, отличаясь поливариантностью возможных этнорелигиозных перспектив, не предпрещает, но и не устраняет ни одну из этих возможностей.

Вместе с тем, идея, чтобы стать действительно национальной должна одновременно опираться на исторически сложившиеся идейно-политические, философские традиции и быть живым откликом на проблемы национальной жизни, взаимоотношений с другими народами, изменения общественной, этнической ситуации; не только выражать задачи момента, но и устанавливать их истинность, побуждать к их реализации. Наконец, играет роль и то, к каким сторонам национальной ментальности апеллирует эта идея гуманизму или агрессивности, общительности или эгоцентризму, энергии самоизменения или консервативной самодостаточности. Неустранимой данностью национальной идеи остается ее социальная обусловленность.

Меняясь и трансформируясь, национальная идея тем не менее остается неизменной в том, что она олицетворяет именно данную нацию со свойственными ей традициями, психологией, культурой, экспрессией... Меняется содержание, ведущий социальный носитель и "законодатель" национальной идеи (класс, социальная группа, общественное движение), но остается неизменной ее историческая функция - спланировать нацию, мобилизовать перед лицом очередных трудностей и проблем, предлагать ответ на новый вызов времени. При условии, конечно, что позиции соответствующего движения отвечают действительным интересам нации. Но там, где за отправную точку отсчета берутся волевые и силовые начала, там и тогда оказывается возможным, чтобы взгляды, ценности отдельной группы людей, и даже одного лица подменяли собой общенациональную идею.

Но при всех ситуациях ответственность за судьбы национальной идеи ложится на интеллигенцию.

Защита высоких общественных идеалов, национальных ценностей, сохранение и обогащение национальной самобытности - общественная функция интеллигенции, своим профессиональным творчеством, произведениями литературы и искусства обновляющей облик нации, выдвигающей в меру своей политической зрелости идеи возрождения, суверенитета,

мечтающая, фантазирующая, высматривающая контуры будущего. При этом нередко ошибающаяся, бросающаяся в крайности, подвергающаяся гонениям. И в то же время в критических ситуациях, тяжелейших условиях анархии и произвола одна из самых незащищенных и уязвимых социальных категорий - та же интеллигенция, люди умственного труда. Но именно от нее общество ждет мудрых советов, чудесных прозрений точных оценок, истин... Оно не прощает творческой апатии, самоустранения от животрепещущих, судьбоносных вопросов.

Ибо ценности и блага культуры постольку способны влиять на общественное поведение людей, поскольку они созвучны особенностям времени, реальным потребностям политической и социальной практики. В той мере, в какой они олицетворяют в глазах людей историческую самобытность данного этноса, стимулируют его духовное самоутверждение - ценности культуры сами становятся стимулом роста национального сознания.

История уже не раз доказывала: когда интеллигенция, увлекшись до самозабвения политикой, уходит от своего истинного призвания, откликаясь на происходящее не своим творчеством, а квазиполитическими идеями и идеологическими конструктами, становятся возможными непоправимые потери в исторических судьбах страны и народа.

Чем сложнее обстановка, тяжелее положение, тем большая ответственность ложится на интеллигенцию - научную, художественную за преодоление "барьера молчания", раскрепощение общественного мнения, коллективный поиск справедливых решений. За признание быть просвещенной совестью эпохи, выразителем общечеловеческого начала в жизни нации.

Чтобы видеть вещи в их истинном свете и называть своими именами, требуется не только гражданское, но особое - интеллектуальное мужество. Впрочем, говорить правду, как известно, еще не значит быть услышанным. Есть своя специфика той ситуации, в которой находится азербайджанская интеллигенция.

Перед лицом происшедшего крушения привычного миропорядка, многих, казавшихся незыблемыми ценностями, взгляды людей сфокусировались на национальных ценностях. В них новоявленные пророки стали искать надежную точку опоры, спасительное убежище в бушующем море бесконечных конфликтов, распада общественных связей. К ним апеллировало

(во всяком случае на первых порах) народное движение, а ударившиеся в политику поэты, журналисты, филологи, энергично откликаясь на спрос, проталкивали свои идеи и представления о национальной свободе, независимости, о том, с кем дружить, с кем и как враждовать.

Однако очень скоро стало ясно, ставка исключительно на национальный фактор не оправдала себя или оправдала лишь частично, ситуационно. Национальная солидарность в кризисных ситуациях нередко проявляла себя скорее как общий призыв, чем реальное действие. Что же касается идеи национализма, то она посрамила себя уже тем, что не высветила ни одного конструктивного решения многочисленных внутренних и внешнеполитических проблем нации, ничего не дала для реального укрепления государственности, и не спасла своих адептов от морального и политического краха. Попутно выяснилось и другое. Идеи, которые вынашивали "пророки" хотя и приобретали на какой-то момент общее национальное звучание, довольно скоро теряли поддержку социального большинства. И по очень простой причине: их представления о закономерностях жизни, политических, экономических, национальных и иных отношениях оказались довольно примитивными, упрощенными, обывательскими. Как только рассеялся эмоциональный угар, это стало ясно всем. Возник своего рода кризис национальной идеи. Впрочем, это был, скорее кризис идеологического творчества тех, кто делал одномерную ставку на гипертрофированный, этноцентрически толкуемый, мифологизированный национальный идеал.

Вопреки романтическим иллюзиям, возведение однобоко понятного национального интереса в абсолют не анулировало многочисленные житейские заботы, экономические, социальные, иные человеческие потребности. Конфронтационные идеи борьбы, бунта, переворота, немедленных наднациональных трансформаций, под знаком которых прошли последние годы, вызвали у людей усталость, потерпели поражение. Никому из тех, кто претендовал на политическое лидерство, так и не удалось в качестве альтернативы прошлому выстроить более или менее разумную иерархию национальных и общечеловеческих, общественных и групповых ценностей, предложить оптимальное сочетание в практической политике общих, групповых и частных интересов. То есть, выдвинуть такую идею программного характера, которая сохраняя

плюралистические условия общественной жизни, могла бы действительно стать основой национального согласия, центром притяжения, сплочения нашего разобщенного общества.

Попытка найти выход достаточно тривиальна: утвердить диктат одной идеи и одной цели, не оставляя иного выбора. Однако какими бы ни были настроения усталости и подавленности в обществе, наступает момент, когда навязанные идеи, оценки, ценности теряют мобилизующий "понукающий" эффект. Потребность в осмыслении происходящего, в реализации интеллектуального потенциала национального самосознания все больше будоражит общественную мысль, побуждает искать выход в нагромождении нерешенных проблем, спорных вопросов, непроясненных общественно-политических ситуаций.

Идеальная модель способа реализации этой потребности - национальный диалог, но не между соперничающими политическими силами, а между наукой и политикой, наукой и властью (при условии, что политики не возьмут на себя роль всезнающих мудрецов, а ученые перестанут играть в политику).

У каждого свои достоинства и изъяны. Ученый нередко категоричен в своих суждениях, склонен переоценивать значение своих идей, преувеличивать силу интеллектуального влияния на общественные движения, и потому, претендуя на лидерство в национальных движениях, нередко оказывается в их хвосте. К тому же он не принимает политических решений. А значит не несет за них ответственности.

Политик лучше знает жизнь, владеет, как говорится, истиной момента, умеет заставить слушать себя, увлечь за собой, мобилизовывать людей в решающий момент. Но он, как правило, видит, главным образом, ближайшую цель, исходит из приоритета групповых, партийных интересов. Расхождение между принципами и реальными делами, между обещаниями правителей, политиков и их поступками - одна из глубоких причин кризиса идей, вызывающего разложение общества.

Впрочем, возможен и другой феномен мышления, которому свойственно подниматься выше личных амбиций, абстрагироваться от собственного опыта, искать истину, вопреки субъективному мироощущению.

Подвергать факты жизни и проекты критическому испытанию на истинность - самый достойный вклад, который могла бы внести интеллектуальная элита в национальный диалог. Ученый (если это настоящий ученый) должен идти впереди обыденного

сознания и стоять над общественными настроениями. Его призвание - разрушать отжившие стереотипы, освобождать общественное сознание от очередных мифов и иллюзий, предлагать нетривиальные решения, бороться за истинные приоритеты национального развития. И в этом смысле быть в конструктивной оппозиции к политике, пусть даже оставаясь в меньшинстве. Но такой диалог может быть плодотворным лишь тогда, когда демократизм становится реальной тенденцией массового национального сознания, предполагающей живое актуальное мышление, неангажированное, происходящее в свободомыслящем сообществе и при стимулирующем воздействии иных культур.

2. ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Мы привыкли мыслить преимущественно надличностными категориями, и не замечаем как те или иные национальные ценности вместо того, чтобы служить возвышению человеческой личности, становятся догмами, подавляющими творческие начала, естественную потребность в новациях. Это уводит от человеческих измерений этнополитических, этнокультурных процессов, создает идеологемы, чуждые творческому потенциалу, гуманистическим традициям азербайджанской культуры и философии. Чтобы стать самостоятельной духовной ценностью, национальная идея должна подняться до уровня философского постижения национального бытия, со всей возможной тотальностью откликаясь на его глубинные потребности, выражая мироощущения, умонастроения данного исторического момента. Но в том-то и дело, что национальная идея - не дежурный лозунг дня, в ее основе - идейно-нравственные, этнофилософские, этнокультурные традиции в их взаимодействии, переплетении.

В истории общественной мысли, философском наследии, в литературных традициях азербайджанского народа можно проследить прямые и косвенные свидетельства этнофилософской рефлексии. Изучена ли история общественной, философской мысли Азербайджана в аспекте национальной апперцепции? Во многом эта исследовательская задача актуализирована потребностями нынешнего этапа этнокультурного, этнополитического развития. Хотя, надо сказать, усилиями нескольких поколений азербайджанских философов и историков проделана огромная работа по исследованию, воссозданию,

широкому освещению философской, общественно-политической, литературной мысли XIX-XX вв. (3)

На базе достигнутого, видимо, наступила пора сфокусировать внимание на том, что философская рефлексия - неустранимый элемент осмысления нацией сути собственного бытия. Другое дело, в состоянии ли историки отечественной общественно-политической, философской мысли уже сегодня содержательно, концептуально откликнуться на интеллектуальную потребность национального самосознания. Впрочем, задача, может быть, должна ставиться более широко, основательно: если не вскрыта причинная связь фактов и событий нашей новейшей истории, не понят, не раскрыт их человеческий духовно-нравственный аспект, то опыт и традиции прошлого - всего лишь осадочные, мертвые пласты культуры. Застойный воздух старых догм, представлений и стереотипов, возможно сыгравших некогда позитивную роль в этнической мобилизации людей, ныне гасит живую общественную мысль, лишая национальное самосознание реальных внутренних и внешних ориентиров. Подобная ситуация, кстати говоря, создает благоприятные гносеологические предпосылки для перерождения национальной идеи в националистическую.

Ясно, что функционирование национальной культуры полнокровно, если живыми корнями она уходит в традиции прошлого и получает от них живительное питание. Но, как известно, самое великое прошлое не ограждает от духовного прозябания, перерождения, если оно в соответствии с новыми потребностями вновь и вновь не осваивается, творчески не интерпретируется, если на этой основе не продуцируются новые идеи, обновляющие потенциал культуры, высвечивающие предвидимые рубежи ее развития. Только факты и ценности истории и культуры "очеловеченные" восприятием критической мысли и памяти, пропущенные через социально-нравственные, мировоззренческие, эстетические представления ныне живущего поколения могут послужить животворным источником творческой мысли.

Будучи реальностью азербайджанской культуры, философская традиция именно в этом ключе выступает как естественный источник духовности нации, ее духовного самосохранения.

Философия национальной идеи, неотделимая от философии истории, характеризуется особым теоретическим интересом к

проблеме этнического самообретения в подвижном контексте необратимого исторического времени. Собственно этот интерес и образует познавательную установку этнофилософской рефлексии, выводящую на одну из наиболее важных проблем философии национальной идеи - проблему взаимосвязи основных измерений ее исторического существования: прошлого, настоящего, будущего – суть категорий, обозначающих движение национальной культуры. В этом ракурсе проблема философии азербайджанской национальной идеи представляется, прежде всего, как проблема этнокультурного самоопределения, этноисторической аутентичности. В этнокультурных исканиях, уже с середины XIX века азербайджанская интеллектуальная элита постоянно апеллировала в качестве духовных истоков, помимо исламских идейно-философских традиций, к философско-нравственному наследию титанов Азербайджанского Возрождения Низами, Бахманяра, Туси, Насими, Наими, Физули. Каждое из этих имен олицетворяет особые художественно-эстетические, идейно-нравственные, философские миры, выходящие далеко за собственно этнические рамки духовной жизни соответствующих исторических эпох. Уже в силу этого поиски этнической аутентичности шли не путем противопоставления себя миру, но через отыскание своего места в многоедином мире, путем соотнесения своих возможностей и устремлений с опытом и завоеваниями мировой цивилизации.

Азербайджанская идея родилась как идея нации на пересечении позднего, завершающего этапа Азербайджанского Просвещения и вновь зарождающего либерально-демократического движения. Творцы современной азербайджанской культуры закладывали в ее основу идеалы свободы личности, гуманизма, социальной справедливости, неприятие мракобесия, невежества, религиозного фанатизма, клерикализма. Создавались традиции, получившие яркое воплощение в литературе, поэзии, драматургии, музыке Азербайджана XIX-XX веков, с удивительной полнотой выразившие народное мироощущение, мирозерцание. В этих традициях - своеобразная философия народного бытия, нравственные искания путей и средств справедливого мироустройства с сильно выраженной антифеодальной, антицаристской, антиколониальной направленностью.

Это были традиции, в которых идеология и культура Просвещения смыкалась с борьбой за пробуждение национального

самосознания, национальное возрождение и прогресс. На этой основе выдвигались идеи "собирания нации", "национальных чувств", шло строительство духовно-нравственного, социально-философского, идейно-эстетического фундамента современной азербайджанской культуры на новом этапе ее многовековой истории.

На фоне доминирующей социальности национальной идеи того периода этничность последней реализовывалась в виде требований творческой интеллигенции о свободном развитии азербайджанского языка, его полноправном функционировании во всех сферах жизни, в том числе в деятельности органов управления, просвещения, делопроизводства, в борьбе за отмену существовавших для мусульманского населения ограничений представительства в выборных органах и т.п.(4)

Выдвигавшиеся концепции использования европейского опыта социального реформирования, культурного обновления, духовного раскрепощения объективно работали на рост национального самосознания, стимулировали возрожденческие мотивы и настроения, усилили национально-освободительные тенденции в общественно-политических процессах. В специфических Азербайджанских условиях идеи социального прогресса неизбежно вели к выдвижению проектов национального прогресса, духовного прогресса нации. Деятельность просветителей ускоряла этноконсолидационные процессы, культивировала в обществе интерес к развитию азербайджанского языка, традиций и обычаев, привязанность к родной землей. Одним из первых отчетливых проявлений идеологизированной этничности явились идеи национальной независимости, создания собственного государства (Зардаби), идеи свободной политической жизни Азербайджана на принципах народной демократии (М.Ф.Ахундов).

В дальнейшем этнические мотивы заняли доминирующее место в культурно-идеологических процессах нациостроительства, основательно потеснив социальность национальной идеи. В этом контексте усиливаются искания аутентичности этноисторического характера. Видные деятели азербайджанской культуры (А.Гусейнзаде, А.Агаев, Агчураоглу, Дж.Афгани) становятся творцами партюркистских, панисламистских идеологем, сыгравших, при всей своей противоречивости огромную стимулирующую, консолидирующую роль в становлении, развитии, идеологизации национального самосознания

азербайджанской общественности. Туранизм, тюркизм, ислаимзм стали ступенями идеологического роста национального самосознания, соответствуя тому этапу этнонациональной консолидации, когда устанавливались общие контуры этничности, общие координаты этноисторического, этнокультурного бытия Азербайджана в данном историческом и геополитическом пространстве. На протяжении целой эпохи идея тюркизма олицетворяла обращение к историческим корням, а исламская философия и идеология служили духовно-нравственными началами формирующегося национального сознания и самосознания азербайджанцев. Но уже на этом этапе лидеры азербайджанской демократической интеллигенции стремились из общего массива иранского, тюркского, исламского культурного наследия вычленить различные формы и элементы духовной жизни, языка, образа жизни, быта, характерные именно для азербайджанского этноса.

Сложился определенный круг идей относительно того, из каких элементов состоит подлинная нация, ее культура с ее символами, значениями и смыслами, разделяемыми всеми членами национальной общности. В основу нации закладывалась идея единства культуры, единства языка и единства действия. В других версиях либеральными демократами выдвигалась концепция азербайджанской нации и ее государственности, в основу которой также закладывалась исламская духовность, тюркский язык и идея модернизации (европеизации), обновления образа жизни.

Национально-освободительное движение в Азербайджане развертывалось именно под этим триединым лозунгом, многозначно насыщенным следующими целеустановками: противостоять имперским идеологам царской России; политически и этнически консолидировать нацию, сочетая конфессиональную и этноязыковую лояльности; заложить реформаторский социально-культурный проект в ценностную структуру национального движения. Внутренняя противоречивость компонентов идеологического триединства, естественно, затрудняла перевод идеологам на язык политической практики.

В отличие от общественно-политических деятелей, именно мастера азербайджанской культуры определили наиболее адекватную формулу национальной идеи, привязав ее к собственно азербайджанской этничности. За этой формулой - огромная художественно-публицистическая, философско-критическая

работа целого созвездия творческих деятелей азербайджанской культуры, внедривших в общественное сознание понимания того, что азербайджанцы - это не просто мусульмане, но тюркоязычный народ, и не просто принадлежащий к тюркскому миру по своим корням, но в этом мире выделяется как особый, самосотворенный этнос, субъект социально-культурной деятельности.

Этот момент, когда общественная мысль была развернута в направлении этнокультурного самовыделения азербайджанского этноса на основе признания общности особых черт духовной жизни, языка, территории, материальных и бытовых условий, имел, пожалуй, решающее значение для институционализации идеологической зоны национального сознания, с последующей трансформацией этнокультурной идеи в идею азербайджанской национальности и государственности.

В исторических реконструкциях "азербайджанизм" определяется как идеология национальной буржуазии, основанную на идеях возрождения азербайджанцев, общности их исторической судьбы, социально-неополитических, культурно-бытовых условий жизни; единство задач в борьбе против врагов и захватчиков. Он характеризуется как особое общественно-политическое течение, отличающееся от пантюркизма, панисламизма и паниранизма, хотя в его истоках есть элементы данных идеологий. (5)

Поиски этно-исторической аутентичности проходили в острой борьбе, в столкновении существенно различающихся этнокультурных проектов, олицетворяющих различные ориентации многослойной этнокультуры Азербайджана. Исторически сложилось так, что именно язык стал главным индикатором азербайджанской этничности и именно вокруг языка шла острая идейная борьба между Зачинателями "азербайджанизма" (Дж.Мамедкулизаде, М.А.Сабиром, Сиххатом и др.) и сторонниками "османизма" (тюркизма), отрицавшими самостоятельность азербайджанского литературного языка, считая его диалектом османского языка. Журнал "Молла Насреддин", его идейные лидеры вели упорную борьбу за самостоятельный статус, развитие, чистоту языка. Они боролись за утверждение литературного языка, свободного от арабизмов, персизмов, османизмов, который должен стать достоянием всего народа. (6)

Историческая роль популярного во всем мусульманском Востоке и хорошо известного в России журнала "Молла Насреддин",

возглавлявшего его Дж.Мамедкулизаде должна быть оценена в широком контексте борьбы демократических сил Азербайджана за национальное возрождение и самоопределение.

В общенациональном диалоге начала XX века о суверенной этничности азербайджанского языка, и в более широком плане этноисторической аутентичности верх одержала азербайджанская (азербайджанистская) тенденция, выражавшая в конечном счете интересы абсолютного большинства нации - крестьянства, горожан, буржуазии, значительной части интеллигенции.

С выходом на общественную арену Азербайджана нового поколения идеологов, выступавших и как профессиональные политики, национальная идея не претерпела существенных содержательных изменений. Сформулированная лидерами Азербайджанской демократической республики (1918 г.) на основе триединства тюркизма, исламизма и модернизма, национальная идея на новом витке истории была подкреплена лозунгом "За свободный, независимый, демократический Азербайджан".

В противовес этому азербайджанские социал-демократы и большевики выдвинули лозунг "Свободный, независимый Советский Азербайджан", который, впрочем, также не превратился в национальную идею. С установлением Советской власти естественный ход движения национальной мысли был остановлен. Началась эпоха длительного этнического молчания, поскольку народ не просто лишился государственной независимости, но оказался в ситуации идеологического диктата советского общественно-политического строя, не оставлявшего ни малейшей возможности для философской рефлексии, этнологического самопознания, свободного развития национальной мысли. Лишь концу XX столетия этнополитическая ситуация радикально меняется.

Резкая политизация и идеологизация национального самосознания в конце 80-х годов вызвала к жизни новые идеологемы и новые мифы, которые, однако, зачастую оказывались заимствованными и реанимированными из основательно забытого предреволюционного идеологического фонда. Выйдя из ограниченного круга этно-культурных интересов преимущественно гуманитарной интеллигенции, жажда этноисторического самоопределения охватила площади и улицы, аудитории и кафедры,

проникая в структуры официальной власти. Актуальность вновь приобрели идеи государственной независимости, национального и государственного суверенитета, обострились чувства родной земли, родного языка, сознание целостности территории, возросла потребность в национальной солидарности, сплоченности.

Потребность в этноисторической аутентичности вырвавшись из-под спуда обрела гласный, публичный характер. В духовную жизнь нации стали возвращаться труды ранее запрещенных философов, политических мыслителей, творцов национальных идеологем.

Использование старых символов в новых контекстах - довольно распространенная этнокультурная практика, тем более оправданная в глазах общества, что естественно, исторический процесс развития и усложнения идеологии национального самосознания был грубо прерван. Поэтому, так быстро были возрождены не только символы и ценности национального движения начала века, атрибутика первой Азербайджанской демократической республики, но и идеологемы, носившие проективный характер: "тюркизм, исламизм, модернизм".

Апелляции к прошлому к прошлому понятны и во многом оправданы. Но с точки зрения реальных потребностей, логики и содержательности современного этнополитического, этнокультурного развития оказываются далеко не всегда убедительными. Верно замечено: национальное самосознание как идеология представляет собой ту сферу, где происходит постоянный процесс переосмысления, отвечающий запросам текущей социально-политической ситуации, реконструкции национально-культурного опыта. (7) Простое цитирование идеологем, вырванных из этнокультурного контекста эпохи, безвозвратно ушедшей в прошлое, их механическое использование в совершенно изменившихся этнополитических условиях, более того – навязывание национальному сознанию старых символов и значений, неадекватных вновь обретенным смыслам национальной культуры, которые рождены новыми реалиями, неизбежно вызывает идеологический конфликт национального масштаба. Как и в начале века, в центре этнокультурного дискурса вновь оказалась проблема языка в аспекте его этнической идентификации. Как он должен называться: тюркским или азербайджанским? Не вдаваясь в существо и подробности национального спора (о нем уже шла речь выше), следует отметить, что

у каждой из сторон есть свои сильные аргументы и, возможно, каждая в чем-то больше или меньше - права. Но в том-то и дело, что самым ходом реальной жизни этот спор в сущности решен и решен в пользу концепции азербайджанизма, азербайджанистского подхода к этноисторической аутентичности, этнокультурному, этнополитическому самоопределению. Стало быть, проблема здесь в нежелании, а может быть и в неумении или неготовности трезво соотносить прошлое с настоящим, осмысливать, оценивать этнокультурные реальности, не заслоняя их историей. Понять такую ситуацию можно: прошлое, особенно, если речь идет о недавнем прошлом, - это вполне постижимый, контролируемый сознанием мир; реальность же, не говоря уже о будущем, совершенно неподконтрольны познающему субъекту. Возможно, нежелание обратить непредубежденный взгляд на реальности или на будущее - реально- возможное будущее - и служит ферментом, подпитывающим тенденцию, вступающую в конфликт с этими реальностями.

Тем не менее в современной идеологической жизни республики достаточно явно проявились две линии или тенденции. Первая направлена на расстворение азербайджанской идеи в общетюркской, общеисламской идее. Вторая отстаивает формулу азербайджанизма, интегрирующего многослойную этническую культуру Азербайджана, включая тюркские корни, кавказские реалии, национально-демократические, исламские истоки. Итак история повторяется вновь, с той только разницей, что в начале века идейная борьба происходила на фоне процессов этнополитического становления, в виде столкновения различных этнокультурных концепций нациеустройства, а на исходе нынешнего века мы имеем сложившиеся этнокультурные реалии, на фоне которых речь идет о новом выборе аутентичности, сопряженным с борьбой за ту или иную политическую, в том числе и внешнеполитическую, идеологическую ориентацию.

Видимо в этом одна из характерных особенностей переживаемого нами исторического периода: интерпретации политического и духовного наследия приобретают значение особого фактора, как бы независимо от нашего желания формирующего отношение нового поколения к истории, ценностям прошлого, и на этой основе выстраивающего целенаправленное, избирательное отношение к реальности, к

будущему. Хотя субъективность и своеволие интерпретаторов играют может быть не столь уж значительную роль. Как сказал поэт: "бесконечно качается колыбель истории между прошлым, настоящим и будущим". И эти колебания в конечном счете смыывают наносное, кристаллизуют подлинное. Проблема все же не в том, какие выдаются оценки тому или иному периоду, режиму, деятелю, а в том, признается ли в принципе соответствующий период, режим, деятель и т.д. органической частью собственной истории народа, страны.

Ситуация, в которой находится Азербайджан, довольно типична для многих стран и народов, переживших в течение ряда столетий военно-политическую и культурно-идеологическую экспансию более могущественных соседей. Колонизация, как известно, порождает "ситуацию соположенности", подразумевающую вовлечение колонизируемых в мир ценностей метрополии, подвергая их опасности обезличивания.

Есть народы, для которых - по меньшей мере со времен средневековья - характерно достаточно непрерывное развитие культуры. Для других народов - и их, пожалуй, большинство - история развития культуры складывалась гораздо сложнее, проходя через этапы не только восходящего развития, но и сталкиваясь с резкими остановками, прерывами постепенности. К числу последних можно отнести и азербайджанскую культуру, которой в силу объективных исторических обстоятельств, было суждено на протяжении столетий периодически растворяться в цивилизациях, созданных крупными и могущественными этнополитическими объединениями, а затем, обособляясь, возрождаться вновь. Неся, при этом неизбежные потери, но и обогащаясь в ходе межэтнического взаимодействия.

При всей упрощенности этой схемы, она указывает на достаточно сложную проблему трансплантации материальной и духовной культуры "завоевателей", обусловившей глубокие последствия, оригинальные взаимодействия, более того - синтез разных этнокультурных начал, что не могло не привести к формированию маргинальных компонентов культуры, специфических импульсов духовной и общественно-политической деятельности.

Без традиции нет истории нации. Столетия отделяют сегодняшних азербайджанцев от культуры, создававшейся нашими предками в различные исторические эпохи. Сегодня

многое из ценностей прошлого вовлекается в орбиту духовной жизни, в современные духовные искания, но и не мало безвозвратно утраченных. Однако во все века народ непрерывно творил свою этническую культуру мудрую и пластичную. И именно эта культура - культура дастанов и философских притч, легенд и сказок, пословиц и поговорок, песен и танцев - неизменно служила тем удивительным жизнестойким мостом через столетние провалы социальной памяти, который обеспечивал преемственность этнокультурного процесса, сохраняя и передавая следующим поколениям обогащенную азербайджанскую этничность.

Обретение государственной независимости в 1991 году воспринято и оценено национальным самосознанием азербайджанцев как непосредственное приобщение Азербайджана к мировому историческому процессу. Но это еще одна иллюзия, так как до реального овладения подлинной свободой исторического творчества долгий путь превращения страны из объекта разнородных, разнонаправленных внешнеполитических и внешнеидеологических воздействий и влияний в реальный субъект собственной исторической судьбы.

Строительство будущего многими мыслится по определенному стереотипу - прежде всего как искоренение наследия прошлого - колониального, "коммунистического" и т.п. При этом вряд ли учитывается, что перекройка прошлого подвергает угрозе в первую очередь те маргинальные компоненты современной культуры, которые давно уже стали несущими опорами культурных конструкций, поддерживающих, транслирующих ценностные потоки из разных источников, но сливающихся в одно общее этнокультурное русло.

Обостренное переживание национальной истории как национальной несвободы порождает известную антипомичность образа мышления, рассматривающего проблемы соотношения истории и реальностей национального, этнокультурного развития в категориях соподчиненности, зависимости. В таком контексте национальное самосознание начинает мыслить себя в жестких категориях "мы" - "не мы", рождая идеи неприятия ценностей и значений прошлого якобы неадекватного настоящему. Но стремление к избавлению от этой зависимости по сути перечеркивает собственное прошлое - единственно действительно прожитое и пережитое. И историческому сознанию нации в таком случае не на что больше опереться в стремлении к новой истории.

Суть коллизии в общественной мысли Азербайджана (речь может идти и о кризисе национальной идеи) в отсутствие концептуально развернутых социокультурных проектов. Вместо них азербайджанскому обществу в качестве главного инструмента укрепления национальной независимости предлагается опыт развитых западных стран - как в области практических (экономических, социальных) достижений, так и в области достижений духовной культуры, философии, идеологии.

Но развертывание этой возможной тенденции неизбежно обнаруживает ее чужеродность, несовместимость с национально-исторической почвой. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны отрицается действительное вошедшее в кровь и плоть национальной культуры прошлое, а с другой стороны в качестве альтернативы предлагаются образцы чужого опыта, который не нами накоплен, не нами пережит.

Не является ли иллюзорной сама надежда пересоздать нацию в соответствии с чуждым ей настоящим, принадлежащим другим людям, другим народам. В конце концов, зависимость не перестает быть зависимостью от того, что выбрана добровольно. Мне кажется, что не должно оставаться сомнения в том, что скачок от собственного, но отрицаемого опыта к образцам чужого опыта неизбежно обернется новой зависимостью. Альтернатива создается довольно жесткая - либо оставаться в прошлом, по-прежнему не приемля его, либо принять настоящее, содержащее незнакомый, если не чуждый опыт. Не замечая при этом, что весь национальный опыт XX века указывает на бесперспективность, неосуществимость и того, и другого пути. Ибо силой навязанное отрицание прошлого и перекраивание себя по внешним меркам не принесли положительных результатов в советский период, и нет оснований полагать, что подобные попытки могут дать иной результат только потому, что он исходит из другого адреса. Экспансия (духовная, идеологическая) не страшна, если при этом не подавляется национальная традиция.

О зрелости национального самосознания может дать представление как раз та степень реализма, которая проявляется в критически-творческом осмыслении исторического, социально-культурного, международного положения нации, когда ее интеллектуальная элита определяет место своего этноса в круговороте мировых и региональных процессов и событий, аккумулирует

исторический опыт и ценности национальной культуры и на этой основе формирует общественное понимание о национальном призвании, о национальных перспективах. И в зависимости от степени истинности этого понимания, говорят о мудрости либо опрометчивости творцов национальной идеи, о величии либо самонадеянности лидеров нации. Реализм в понимании духовного призвания Азербайджана проявляют, может быть, именно те, кто рассматривает азербайджанскую культуру как культуру плюралистических ценностей, культуру их синтезирующую.

Эта мысль может показаться нереальной, утопичной, но, во-первых, утопии не падают с неба, в них гипостазирование социальных и национальных устремлений народа, этнического самоотречения. А, во-вторых, социально-исторический опыт строительства азербайджанской культуры подсказывает: не отвергать прошлое, но принять его через критическое переосмысление; перестраивать себя не по заимствованным внешним меркам, но в соответствии со своим собственным прошлым, имея при этом в виду свое собственное будущее.

Однако для концептуального обоснования азербайджанской идеи реалистического понимания истинного состояния общества явно недостаточно. Необходима философски осмысленная, гражданская проективная деятельность. Чтобы избираемые ныне политические цели и культурные ориентиры, внешнеполитические ориентации согласовывались с фундаментальными задачами бытийности азербайджанского социума, чтобы они выходили на такие направления творческой деятельности, в которых азербайджанский этнос может выразить себя с наибольшей полнотой, опираясь на мировой опыт социального творчества, демократического строительства. В конечном счете речь идет о воспроизводстве сущностных качеств и этноопределяющих черт нации, предполагающем не просто наличие определенных объективных условий, но также целенаправленную проективную деятельность людей, социальных и национальных движений, направленную на обновление факторов, из взаимодействия которых складывается и воспроизводится данная нация, - ее этнохозяйственная, этнотерриториальная целостность, языковое единство, общность самосознания, традиций и ценностей духовной культуры.

Нация формируется и формирует себя, и в этом исторически нескончаемом процессе ключевая роль принадлежит общественной

активности творческих личностей, политиков, идеологов. При этом, в зависимости от особенностей переживаемого этапа развития, от исторических обстоятельств и изменяющихся общественных, геополитических и т.д. условий бытия, на первый план выдвигается та или иная национальная потребность, в первую очередь нуждающаяся в идеологической поддержке и необходимая для решения извечной задачи сохранения и обновления потенциала нации, поддержания ее нациообразующих качеств в их динамической совокупности. Осознание этих обстоятельств, собственно, и реализуется в национальной идее, в основе которой множество истин - языка и родной земли, государственности и культуры, исторического призвания и достойного места в мировом сообществе.

Иначе говоря, национальная идея несводима к некоей одновозможной цели, и ее нельзя отождествлять с установкой, заданной на все времена.

Хотя история и отвергла идею коммунизма как абсолютную сверхцель, это не послужило уроком радикальным национал-патриотам. Оппоненты коммунизма на деле оказались в плену идеологического тоталитаризма, пытаясь навязать обществу очередную опасную иллюзию. Она состоит в том, в иерархии общенациональных целей выдвигается некая абсолютно приоритетная "сверхцель". Это допущение тем и опасно, что всякая, подобным образом предлагаемая цель превращается в свою противоположность: бесконечную цель, которая, как показал в свое время Гегель, исключает реализацию идеала. Идентификация такой цели с конечным, ориентированным на уникальность результатом, влечет за собой фанатизм, жертвой которого становится целое общество.

В отличие от тоталитарного, авторитарный режим, как правило, не располагает собственной идеологической базой или она весьма размыта и вынуждает апеллировать к религии, этноцентризму, культу личности. Эксплуатация религиозных и национальных чувств, культивирование этнокритической иерархии и харизматических склонностей, персонифицированных мифов могут дать - и возможно дают - определенные результаты в смысле этнической мобилизации людей, подчинения их общественного поведения заданным установкам. Но в итоге достигается лишь кратковременный эффект, его последствия разрушительны: они ведут к кризису национальной солидарности, тотальному отчуждению от национальных ценностей,

ставят народ в духовную зависимости от политической самонадеянности "отцов" национальной идеи.

Не менее разрушительны последствия признания приоритета этнических ценностей над общечеловеческими. Националистические идеи и взгляды, если они запали в самосознание нации, нарушают межнациональные связи, тормозят внешнее общение, нанося ущерб национальному существованию, обрекая его на самоизоляцию, мумификацию культуры, существенно ограничивая собственную свободу выбора. Ослепленные националистическими иллюзиями, люди теряют возможность свободно мыслить, критически оценивать культурное наследие, национальные традиции и ценности. В итоге общество теряет общечивилизованные духовные ориентиры, сползая к общенациональному разочарованию в несбывшихся идеях и нереализованных ценностях. Постсоветская практика политической жизни "обогатила" наш социальный опыт удивительным симбиозом эгоистического своеволия этнократической элиты, массового национального самообмана, отягощенных властью плутократии.

Легко во всем винить национальную идею. Правда жизни должна быть дороже собственного "я". Требуется доктрина высокой интеллектуальной пробы, эвристичности, нравственной силы, чтобы духовность нации могла трансформироваться в искания истинного пути на перекрестке исторических дорог, моделей, вариантов жизнеутверждения. Именно на уровне философской рефлексии национальная идея олицетворяет вечный поиск истины на тернистом пути социального познания.

Истина - предпосылка любой положительной идеи - политической, философской, социальной. Стало быть без интереса к истине нет и национальной идеи. С древнейших времен истина трактуется мыслителями как высшее мерило жизнеотношения человека к миру. Применительно к национальному самосознанию экзистенциальная человекоутверждающая природа истины раскрывается в вопросе о том, насколько истина исторического выбора, выражением которой должна выступать национальная идея, сопрягается со свободным волеизъявлением народа, что несет личности судьба ее нации. Человеческий фактор, человеческое измерение реализуется здесь в зависимости от степени соответствия целей индивидуальной бытийности задачам бытийности социума.

При существующих условиях подлинно национальное

возрождение неотделимо от демократизации общества. На национальный прогресс работают именно демократические идеи. Это фундаментальная особенность нашего времени. Именно с демократизацией всех сторон жизни мы связываем возможности реализации потенциала интеллектуальной элиты нации, только в условиях свободного целеполагания и общественной поддержки способную вывести национальную культуру к новым рубежам современной цивилизации.

Но в то же время демократизация без продуктивного использования национальной идеи, менталитета нации будет непройденной дорогой. Требуется сознание того, что успешное продвижение демократических преобразований прямо зависит не только от степени политической, социально, идеологической, психологической подготовленности общества к ним, но и от степени открытости, незамкнутости, социально-культурной ангажированности этничности.

Вот почему национальная идея, если мы хотим, чтобы она служила прогрессу нации, должна основываться на демократических процессах, модернизации общества, работать на них, расчищать им путь в умах и сердцах людей. Она должна исходить из полисистемности целей, исключая единственность одновозможной задачи. Даже такие фундаментальные задачи как достижение независимости или победа в карабахской войне должны предполагать множество подцелей - добиваться победы с минимальными потерями: человеческими, материальными, культурными, сохраняя незабываемые идеалы человечности и добра.

История цивилизации свидетельствует в пользу той морали и идеологии, в свете которой нельзя отдавать безусловный приоритет идеи над жизнью. Истина сопрягается не с идеей жертвы, но с мудростью, терпением и терпимостью, волей к жизни, движением жизни как самоценностной сущности. Концепция жизнеутверждающей истины побуждает избегать "простых" решений во имя прояснения сложных человеческих проблем и взаимоотношений, запутанных лабиринтов жизни.

Свобода личности, социальная справедливость, гражданский мир, национальная независимость - эти и подобные цели так и останутся несбыточным мифом, если не сформируется демократическое мироощущение в качестве главного компонента национального сознания. Расхождение целей в условиях интенсивного социального расслоения общества и стимулируемого этим противостояния соперничающих между собой политических

сил - явление неизбежное. Как и то, что нередко верх берут групповые, клановые интересы. В этом смысле - нация никогда не была и никогда не будет неким "единой и монолитном".

Общественные процессовы если им придается демократическая направленность, должны основываться на свободе индивида, ибо созидательная деятельность, основанная на свободном целеполагании, в конечном счете составляет главный источник общественного, национального развития. Творчеством индивида обеспечивается выживаемость общества: от индивидуального бытия зависит бытие социальной системы, от национальной определенности личности - этничность целой нации. Так или иначе должен быть сделан выбор в пользу такой модели общественного устройства, где место человека в обществе определяется свободой и солидарностью. Эти ценности, взаимно дополняя друг друга, способны стимулировать потребность в национальной согласии на фоне плюрализма идей, целей, истин. Модель, при которой жизнь, выживаемость общества обуславливались торжеством одной идеи, единственной истины, а иные представления подавлялись как подрывные, исторически себя изжила, показала свою несостоятельность. Путь в будущее лежит через многообразие мнений, взглядов, ценностных ориентаций, целеустановок. На языке повседневной практики это значит, что требуется настойчивый поиск наиболее оптимальной системы иерархии ценностей и истин национального бытия.

Конечно достигать согласия в условиях экономического, политического, идеологического плюрализма гораздо сложнее, чем выдавать одну точку зрения за всеобщее мнение. Согласие сопряжено с тем, насколько люди готовы поступаться с частью своих интересов, их готовностью к самоограничению, уважению иных интересов, иного мнения. Признание права каждого на полноту свободы самоутверждения, самореализации, полноту использования собственного потенциала должно послужить плодотворным основанием согласия в обществе, а значит и его выживания.

Вместе с тем, при всей ценности различных точек зрения, плюрализма мнений, наличии у различных сторон собственных истин - истина проективного, общенационального значения объективно одна. Но чтобы она могла стать действительно единой, т.е. чтобы она овладела нацией, требуется высокий уровень духовной, интеллектуальной зрелости. Ибо механическое

сведение разных истин в одну не может дать новой общей истины.

Проблема видится в том, чтобы добиться соединения новых тенденций реформирования общественной, социальной жизни с новыми направлениями социального и гуманитарного знания. Отказ от длившейся десятилетиями идеологической тирании и засилия омертвевших догм не может быть причиной для отрицания роли и значения научных идей. Крах ложных ориентиров пришествия "коммунистического рая" не должен быть причиной отказа от целенаправленного поиска путей и средств справедливого будущего. Трудно согласиться с тем, чтобы все пространство представлений о будущем занимало мифологизированное прошлое. Новые общественные ожидания /стимулировать которые призвана научная интеллигенция/ должны подталкивать крупные внутринаучные сдвиги, способствовать выходу научного познания на уровень современного мировидения, позволяющего рассчитывать на интеллектуальную легитимизацию того движения в обществе, которое способно привести его к социальному благополучию и национальной стабильности.

Стало быть, нельзя отгораживаться от глобальных проблем, несущих вызов инстинкту политического и культурного самосохранения нации, и также предполагающего выработку согласованных программ проективной деятельности. Наряду с глубокими социальными изменениями и политическими конфликтами переходного времени, подвергающими этничность болезненным трансформациям, на этническое, национальное самосознание оказывается непосредственное воздействие глобальные изменения мирового масштаба. Эти процессы, описанные многими авторами, расцениваются как вызов ускоряющихся процессов глобализации, сопровождающихся резким ростом транснациональных институтов, движений и диаспор; ослаблением национального государства как такового; ускорением распространения средств глобальной коммуникации; нарастающим плюрализмом культур и этничностей; ярко выраженным ростом значимости проблемы "прав" и усилением чувства "Всемирного гражданства"(8). Интернационализация экономической, социальной жизни, массовой культуры, стандартизация образа жизни, под интенсивным воздействием которых происходит нивелировка национальных особенностей и ценностей, вызывают защитную реакцию "этнических взрывов", этноцентрических сдвигов в национальном сознании, своего рода возвратные эффекты исторических апелляций.

Вызов времени ставит нацию перед выбором: либо сохранить этническую идентичность в ее исторической данности,

ориентируясь на этнократические способы политической и этнокультурной самозащиты; отдать предпочтение чувству солидарности, основанному на примордиальных узах или узах, сложившихся из общности религиозных, идеологических обязательств (иногда весьма сложно распознать, когда мы имеем дело с идеологическими образами или объективными творениями истории). Либо оставаясь на почве общемировых тенденций и закономерностей общественного, развития, искать собственную, оригинальную, взвешенную формулу гармонии этнического и социального, национального и общечеловеческого. Имея в виду, что в современном мире народы сохраняют и отстаивают свою национальную определенность, этническую неповторимость, культурную целостность и суверенность успешнее всего через различные формы сочетания традиций и инноваций, преемственности и новаторства, через хозяйственное, социально-экономическое преуспевание, совершенствование своего общественно-политического устройства на демократических началах.

Вопрос не в том, быть или не быть этническим особенностям и элементам культуры. Они и будут существовать, пока жива и развивается сама нация. Вопрос, стало быть в характере их трансформаций. В этом контексте проблема видится в определенной зависимости этнических традиций и явлений от самоосознания культуры, от адекватности культурной политики государства ситуациям глобальных и бальных проблем. Зависимость эта может быть и во благо, и во вред: она может способствовать и дальнейшей прогрессивной эволюции этнической культуры, а может под предлогом ее защиты поощрять консерватизм, архаичность, что, несомненно, ведет к откату. Первооснова проективного отношения к миру видится в фундаментальных представлениях о бытийности человека. Иными словами, истина в том, что я есть и буду, сохраню себя, обеспечивая условия своего существования, а следовательно - самовыражения, творчества, совершенствования.

Человек призван к развитию, ведущему к избавлению от внешней и внутренней несвободы, открывающему возможность выбора добра и осуществления этого выбора. Достижимость этой, более зрелой стадии социального и духовного роста напрямую зависит от сегодняшнего выбора, от того каким путем пойдет нынешнее поколение нации. Наше сознание переживает сейчас период постановки радикальнейших вопросов реформирования

общественной, национальной жизни, формулирования новых, нередко неожиданных (хотя и долгожданных) задач и проблем, возникающих в ходе разрушения старых самоочевидностей, рождения новых парадоксов. Весь вопрос в том, насколько к этому готово массовое национальное сознание, отягощенным тяжелым грузом: многочисленными стереотипами, потребностью в социальных и национальных иллюзиях, слабой восприимчивостью к инновациям, невостребованностью, а потому и неразвитостью социологического знания.

Тем не менее сейчас, как никогда ранее, ясно, что досоветский и советский этапы истории национальной идеи, как уже пройденные фазы развития, лишены перспективы. Вполне наблюдаемы признаки того, что в значительной части общества утверждаются иные взгляды, иное умонастроение, созвучное тем изменениям, которые несет в себе формирующаяся в Азербайджане новая общественно-экономическая среда. Общество, нация переживают по сути новый период исторического развития, на котором азербайджанская идея должна трансформироваться в новую национальную доктрину, способную выдвинуть новые цели, символы и смыслы, не отвергающие исторические традиции национальной культуры, но ориентирующиеся на глобальные тенденции мирового развития, формирующиеся реалии постиндустриального, информационного общества.

Азербайджан - многонациональное общество. И на новом этапе азербайджанская национальная идея не может развиваться изолированно, не учитывая ценности и идеалы других этносов, живущих в стране. Азербайджанская идея сегодняшнего и завтрашнего дня не может не аккумулировать устремления всех национальностей на основе согласования их интересов и потребностей. Это также позволяет говорить о новом этапе эволюции национальной идеи.

Этот этап может стать плодотворным, если будет достигнуто то качество развития индивидуального начала, которому свойственно социально-критическое, рефлексивное мышление. Разумеется, это связано с тем, утвердится ли в условиях азербайджанской действительности тенденция усиления, возрастания роли свободного, личностного начала в социально-политических, духовно-идеологических процессах. Это одна из наиболее важных тенденций современной эпохи.

Азербайджанской идее должна быть возвращена ее изначальная социальность, не вытесняющая ее этничность, но в

отличие от конфессиональных канонов, химер псевдосоциалистической идеологии, узколобого национализма, предлагающая конкретные цели гармонизации человеческих отношений, повышения качества жизни, сочетания свободы со справедливостью на демократической основе.

За основу рабочей формулы национально-проективной деятельности можно было бы взять мысль Э.Фромма: "Свобода может победить лишь в том случае, если демократия разовьется в общество, в котором индивидуум и его счастье станут целью и смыслом" (Цит.по жур. "Иностранная литература",1990, N 10, стр.208). Эта идея мне близка уже тем, что она перекликается с привычной идеологемой, восходящей к Марксу, о свободном развитии личности, как условии свободного развития всех. К будущему приходится продираться с трудом, блуждая и ошибаясь; каждый должен сам определять свои предпочтения, свое видение будущего, находить истину в тех или иных программных проектах, жизненных ориентациях, в той или иной идеологии, религии, общественных ценностях и целях. И если находится какое-то количество людей, стремящихся жить "по истине", а не конформистски, то это может служить бесспорным проявлением общественного, нравственного прогресса нации.

Общественные отношения, социальные институты, политические деяния истины, если они выражают высшую на данный момент ступень реализации заложенных в них возможностей развития человека. Мерой истины как раз и выступает полнота этого развития, степень достигаемой человеком свободы. Отсюда, кстати, приоритет прав человека над всеми другими правами и свободами - социальными, национальными и т.д.

Ибо истина - главный императив человеческого существования, стержневой момент свободы человека. Она приходит к людям через жизненные испытания, преодоление трудностей и заблуждений, через опыт "проб и ошибок". Но вся беда в том, что истина - социальная, политическая, усвоенная одним поколением, далеко не всегда передается по наследству следующему. Знание истины не дает гарантий благополучия и зачастую не вознаграждается... Сегодня национальная идея мне представляется нитью в лабиринте, где до сих пор мало кто пытался найти верный путь - осознанно и критически. Предпочтение до сих пор отдавалось тем мифотворческим

импульсам, которые заложены в самой психике этноса. Их действием, собственно говоря, и создается эффект подмены действительного желаемым, отождествления желаемого с идеалом. Удастся ли, вопреки этой фатальной склонности этнического, национального сознания, преломить исторические и социальные реалии через призму научного познания собственных действительных интересов и потребностей, на основе анализа той действительности, на которой они вырастают? Прогресс и издержки развития, национальные движения и социальные конфликты, межнациональные, международные отношения и геополитические реальности - все это не подчиняется нашим желаниям. Несут ли они людям добро или зло - они не отменимы. Но история, как и повседневная жизнь, всегда оставляет человеку возможность выбора: между прошлым и будущим, привычным и новым, между большим или меньшим злом.

Национальная, государственная независимость открывает определенные перспективы истинных связей со всем миром, но и создает немало проблем на этом пути. И хотя это только подступы к пути, промедление чревато для нас невозполнимыми потерями.

Согласно известному определению Сартра, человек - это нечто иное, как проект, который им самим конструируется, это то, что каждый решает сделать со своей жизнью. Именно этот смысл нами вкладывается и в понимание нации как результате ее самоопределения, но не предопределения. Самоопределения, достигаемого однажды, но требующего постоянного, перманентного подтверждения заново на каждом новом рубеже движения истории. Самоопределение не одномоментный акт, а скорее процесс социального, политического, национального творчества, реализации накапливаемых на предшествующих этапах духовных, интеллектуальных, экономических, собственно этнических потенциалов; это своего рода диалог нации с изменяющимися условиями эпохи.

Посттоталитарные условия открывают новые перспективные формы национального самовыражения и самоопределения, отличающиеся от огосударственных форм тем, что переносят акцент с группового уровня национальных прав на индивидуальный уровень, непосредственно не связанный с государственным устройством (9).

Нет такой нации, которая может уйти от внутренней необходимости выбора - стихийного или сознательного, вынужденного

или свободного. В самом процессе выбора, поиска решения, кристаллизации национальной истины есть нечто такое, что невозможно определить. Тогда как иллюзии и мифы самоопределения, самосознания выступают в ясной, вполне определенной форме. Вот почему как только общественная мысль останавливается, застывает, национальная идея утрачивает свою силу и жизненность. Она теряет эффективность как только превращается в догму и национальное самосознание отчуждается от того живого, неуловимого качества, которое зовется истиной самообретения и которое станет более понятным, операциональным, если мы назовем его "обостренным восприятием реальности".

Но нация - не одна, а множество личностей, в чем-то очень схожих, и в очень многом различающихся между собой. Что же в силах отдельно взятого человека в условиях, когда слепая стихия социального распада, уже набравшая опасные обороты, а нарушает интеллектуальную координацию, делает окружающий мир безумным, враждебным и жестоким. Нельзя рассчитывать, что верное решение придет само собой или при помощи очередного старшего брата. Самое разумное, может быть, не сердиться на обезумевший мир, не оплакивать безвозвратно ушедшее прошлое, но обрести мужество действовать самостоятельно. Установить самому границы своих возможностей и "возделывать свой сад" - таков, согласно Вальтеру, выход из тех заключений, на которые обречен человек, одиноко блуждающий в поисках истины.

Примечания

1. См. В.А.Тишков. Что есть Россия (перспективы нациестроительства). "Вопросы философии". 1995 г. N 2.

2 См. С.Н.Артановский. Этноцентризм и "возврат к этничности". Концепции и действительность. "Этнографическое обозрение", 1992, N3.

3. Отметим некоторые из этих трудов: Гусейнов Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Баку.1958; Геюшев З. Мировоззрение Г.Б.Зардаби. Баку.1962; Ибрагимов М. Великий демократ (на азерб.яз.). Баку. 1957; Агамиров М. Мировоззрение Сабира (на азерб.яз). Баку. 1962; Кочарли Ф. Общественно-политические взгляды Уз.Гаджибекова (на азерб.яз.). Баку. 1965; он же Нариман Нариманов (на азерб.яз.). Баку. 1965; Меликова М.Ф. История политико-правовых учений в Азербайджане в XIX-начале XX вв. Баку. 1972; Мирахмедов А.М. Азербайджанский Молла Насреддин (на азерб.яз.). Баку. 1980; Заманов А.Ф. Сабир смеется (на азерб.яз.). Баку. 1981; Ахмедов Т.А. Нариман Нариманов (на азерб.яз.). Баку. 1982; Рзаев А.К. Очерки истории политико-правовых учений Азербайджана. Баку. 1983; Талыбзаде К.А. История азербайджанской литературной критики (1800-1920 гг) (на азерб.яз.). Баку. 1984; Азербайджанская демократическая республика. Азербайджанское правительство 1918-1920 гг. (на азерб.яз.). Баку. 1990; Балаев А. Азербайджанское национально-освободительное движение 1917-1920 гг. Баку. 1990.

4. См. Гусейнова Д.С. Азербайджанская интеллигенция в конце XIX - начале XX в. Автореферат докторской диссертации. Баку. 1993.

5. См.А.Тагиев,И.Гамидова,Р.Ахмедова. Национальная идея и национальная идеология. (на азерб.языке). Баку. 1995

6. См.А.М.Тагиев,А.Р.Фаталиев. Азербайджанская национальная действительность в исследованиях зарубежных авторов. Баку. 1994.

7. См. "Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества". Ответственные редакторы Дробижева Л.М., Гузенкова Т.С.,М.1994,стр.28.

8. См. Дж.Комарофф. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. "Этничность и власть в полиэтничных государствах". М.1994, с.45-46.

9. См. М.Губогло. Защита и самозащита национальностей. "Этнополитический вестник". 1995, N 4

Дашдамиров Афранд Фиридун оглы
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЭТНИЧНОСТЬ
(Азербайджанская идея в этнокультурном интересе) М., 1996, 55с.

Автор брошюры действительный член Академии наук Азербайджанской Республики Дашдамиров Афранд Фиридун оглы (Институт общественно-политических исследований и информации АН АР) предлагает свое видение феномена национальной идеи с точки зрения этнологии и философии самоосознания азербайджанской культуры. В работе рассматриваются теоретические и методологические проблемы развития идеологической сферы национального самосознания, некоторые стороны своеобразия азербайджанского опыта этнокультурных, этноидеологических исканий и трансформаций.

Автор А.Ф.Дашдамиров

Под редакцией М.Н.Губогло

Изготовление оригинал-макета А.В.Фомченко

ISBN 5-201-00915-8

Подписано в печать 02.02.96. Формат 60x84 1/16
Объем 2,3 п.л. Тираж 150 экз. Заказ 8

УОП Института этнологии и антропологии РАН
117334, Москва, Ленинский пр-т, 32 А

